

Глава 1,
*где речь идет об очень высокой моде
и появляются первые результаты
трудов праведных*

Некоторым личностям так и тянет поправить корону на голове. И лучше бы — лопатой.

*Из не вошедшего в общедоступный вариант
автобиографии покойного императора*

— Ну... — произнесла Маруся презадумчиво, пощупав рукав розового пиджачка. — Перья так-то отпороть можно...

— И перекрасить. — Таська попыталась отковырять стразик. — А штаники я, пожалуй, и примерила бы...

— Забирай, — щедро разрешил Иван, поскольку сама мысль о примерке этого вот... чуда вызывала в душе глухой и стойкий протест.

— А ты?

— А я...

— А он, — не удержался император, — если что, в носках пойдет. У него уже и опыт есть!

Иван почувствовал, что неудержимо краснеет.

— А что? — Таська сняла пиджак с вешалки и на плечи накинула. Потом и вовсе руки в рукава сунула, отчего розовые перышки встали дыбом, открывая спрятанные под ними дырки. — Обычно так-то без носков?

— Обычно кроме носков что-то надевают. — Император стянул с блюда длинное луковое перышко.

— А он...

Все посмотрели на Ивана. Даже Бер. Причем последний — с явной укоризной.

— А он так...

— Это маскарад был. — Ухо зачесалось.

— Ага... и ты примерил костюм эксгибициониста? — уточнила Аленка и добавила: — Идите уже есть, а то вон, человек голодает.

Император, изо рта которого торчал хвостик недожеванного лука, спешно кивнул, подтверждая, что почти уже совсем уголодал, едва ль не до смерти.

— Боюсь, — Таська попыталась свести полы розового пиджака, но внутри что-то захрустело, — у нас все ж провинция, глухая. Могут и не понять... так что... не сходится.

— Просто не на тебя шито. — Маруся тряхнула штаны с лампасами. — А эти ничего... трактор ремонтировать сойдет, если так-то...

— Нет, ну вот чего не сходится? Сейчас сойдем...

— Тась, порвешь... вещи-то чужие. — Аленка перышко таки выдrala и в волосы вставила.

— Не в этом проблема. — Иван пересел за стол, потеснивши императора. И подумалось, что благоговения перед верховной властью он и прежде не испытывал, а теперь оно и вовсе исчезло. Может, оттого, что его императорское величество сковородку к себе подвинули.

И ладно бы с тушенкой.

Сковородка была чугунною, явно рассчитанная, если не на все семейство Сабуровых, то на половину его точно. Ныне на ней в полупрозрачном, сдобренном приправами жиру плавали куски мяса, тонкие ломтики жареного лука и белоснежные острова глазуни.

На блюде высилась гора картофеля.

На другом — еще одна гора, квашеной капусты.

И главное же ж, есть хочется. Вроде недавно только у речки сидели, тушенку вкушая, а теперь чувство такое, будто Иван дня три не жрамши.

Вульгарнейшим образом.

— А в чем? — осведомилась Таська, отправляя пиджак на вешалку.

Дом Сабуровых стоял на окраине деревни, почти у самого леса. Солидный, в два этажа, он продолжал

ся длинным навесом, который, в свою очередь, то ли упирался, то ли опирался еще на одно строение — кузницу. Из-под навеса выглядывал трактор, рядом примостился знакомый уже броневик, слегка прикрытый тентом. Внутри виднелись смутные очертания то ли техники, то ли просто каких-то железок. Разглядеть не вышло, да и не сильно-то Иван стремился разглядывать.

— В том, что нам и вправду надеть нечего. — Бер решительно набросал себе в тарелку картошки. Капустой тоже не побрезговал. — Так-то мы много взяли, но Ванькин... питомец сожрал.

— Не сожрал! — возмутился Иван этакой несправедливости. — Просто...

— Слегка пожевал, а что не пожевалось — соком извазюкал.

Девчонки переглянулись.

— Ну... — Аленка почесала в макушке. — Там выпускной костюм сохранился... братьев...

— Ага, — подтвердила Таська, устраиваясь на широкой лавке. — Который они надевали по очереди.

— Так... — Аленка пожала плечами. — Я им говорила, что каждому свой справить надо, но их же не заставишь в магазин поехать. Семка так и сказал, что нафиг надо, что они одинаковые все. И чего выпендриваться. Зато как на свою зазнобу интернетную, так денег не жаль. Донаты, чтоб его...

— Это она про что? — тихо спросил император.

— Потом расскажу. — Иван зацепил кусок мяса.

— А говорят, что эльфы мяса не едят... — произнесла Таська, усаживаясь на лавку.

Кухня в доме была огромной. Она-то почти весь первый этаж и занимала. И стол внушал. И лавки. Явно делались если не на века, то почти уже.

— Почему? — Иван вот мясо очень даже ел. Хотя и от картошки не отказался. После сусятины из банок картошка с маслом почти деликатес. — Очень даже едят...

— Ага, а еще говорят, что эльфы — пацифисты, — не удержался Бер.

— Эльфы не пацифисты. Эльфы считают себя пацифистами. — Иван и яйцо подцепил, перетаскивая на тарелку. — Но если так-то, в морду дать могут.

Все задумались.

Или скорее занялись ужином.

— Не пойдет... — произнесла Таська. — Твои-то здоровые... а они помельче будут.

— Не настолько уж... хотя... — Бер вздохнул. — У меня джинсы вон... почти не грязные.

— Ага, а дырки девчата подлатают. — Аленка фыркнула. — И перышками сверху... Батино вовсе на вас велико будет. Да и не та у него одежда... можно в Осляпкино попробовать. Или в Конюхи...

— В Конюхах — два секонда. В Осляпкино — рынок и те же секонды. А на райцентр прямую дорогу перекрыли. В объезд если, через Осляпкино, то на обратном пути точно какую гадость сообразят... — Маруся призадумалась. — Может...

И замолчала.

— Маруся, — не выдержала Таська. — Договаривай уже...

— Да... ерунда-то так... но там на чердаке у нас сундуков хватает. И одежды... женскую мы перешивали... ну... раньше. И не всю, потому что бальные... ну их трогать, все одно без толку.

Кажется, она смущилась.

— А вот мужская осталась. От деда и прадеда. И раньше. Только... там мода... столетней давности.

— Лучше уж столетней. — Иван повернулся к розовому пиджаку, перышки на котором трепетали, привлекая к себе внимание. — Чем это вот... хотя бы без перьев.

— Кстати... — Бер облизал вилку. — А если так-то... то можно обыграть. У тебя ж сарафан отпаднейший. Сделяем прикладную реконструкцию. Скажем, в рамках локальной культурной программы... я отчет напишу.

Глаза его заблестели.

— Маруся? — Аленка чуть склонила голову.

— Что? Я ж не против... только там... моль и все такое. И не факт, что подберется чего... и... и вообще...

там и пуговицы спороли, которые золотые. И... ветхое оно будет.

— Ветхое — ерунда. Кстати, ткани, поскольку находятся в постоянном контакте с телом, довольно неплохо поглощают силу. — Бер явно оживился. И Ивана это несколько даже пугало. В прежние времена подобный беровский энтузиазм плохо заканчивался. — Предки ваши были одаренными?

Девушки кивнули.

— Вот... значит, немного доработаем. А пуговицы...

— Есть медные. Целая банка...

— Позолотим, если будет с чего. Покрыть тонким слоем я смогу. От золотых не отличишь... ну на взгляд точно. Вам надо будет в тему как-то... для равновесия.

— Будет. — Таська кивнула. — Сарафан или нет, но найдем... в общем, так понимаю, к нам?

За окном громыхнуло, и грохот этот заставил весь дом содрогнуться.

— Завтра, — сказала Маруся. — А то ж дождь...

— Дождь — это хорошо. — Иван дотянулся до картошки. — Землю прольет... сила в ней немалая дремлет. Там над ней кто-то хорошо ворожил.

Стало тихо.

И слышно было в этой тишине, как тарабанят по стеклам капли дождя и шелестит, шубуршится ветер, норовя проникнуть внутрь.

— Ань, а батя твой где? — поинтересовалась Таська, разрушая момент.

— Так в лесу...

— Дождь же. — Маруся повернулась к окну. — И остальные...

— И остальные в лесу. Только Стасик огонь держит. Ну и Семка с ним, помогает. А те два оглоеда... — Алёнка прищурилась. — Пускай помокнут. Им оно на пользу будет, охолонуть. Я вам там постелю, над кузней. Там и тепло будет, и сухо. Крыша хорошая... в доме, извините, оставить не оставлю. Не по правилам это, чтоб у незамужней девицы ночевать...

Иван не возражал.

Сытость разливалась по телу истомой. И в сон клонило, как оно бывает после резкого опустошения резервов. Собственное тело показалось одновременно и тяжелым — не шелохнуться, — и легким до готовности воспарить в неведомые выси. Но кулак Бера воспарить не позволил.

— Идем, — сказал Бер. — А то прямо тут и заснешь...

— Молочка принести? — Маруся тоже встала.

— Я коров обещал посмотреть, — сказал Иван, осознавая, что на коров сил точно не осталось. Но Маруся отмахнулась только.

— Завтра посмотришь. Или потом. Как-то они до этого жили, недосмотренные. Так молоко будете?

— Дождь же.

— И что? Я пусть и не ученая, но щит выставить могу... да и идти недалече. Тась?

— Проводим и пойдем. — Таська тоже поднялась.

— Это как-то мы вас провожать должны, — проворчал Бер.

Иван ничего не сказал.

Говорить было лень, как и шевелиться.

— Другим разом, — отмахнулась Таська. — Вон, сейчас пусть Семка свою монстру заводит. Мигом домчит...

И это было выходом.

Сеновал над кузницей, к великому удивлению Ивана, мало чем от сеновала над бычарником отличался. То же сено, пахнущее сладко и терпко; покрывала.

Одеяла.

И огромная миска с пирожками, которую Аленка всучила напоследок. Императору, само собой... но если так-то — поделится.

Снизу что-то гудело. Теплый воздух, пробиваясь сквозь крышу, нагревал и доски, и само сено.

— Интересно, с точки зрения пожароопасности — это как? — Бер поерзal и, прежде чем император успел возмутиться, запустил руку в миску с пирожками.

— Надеюсь, что как-нибудь... ну, амулеты там, заклятья. — Император подвинул миску поближе к себе. — Кстати, ты и вправду сможешь?

— Что? — Бер пирожок разломал. — С капустой... и грибами.

— Не нравится — не ешь.

— Нравится!

— Тогда жуй и молчи. А так я про костюмы. Восстановишь?

— Попытаюсь... мы как-то в музее работали. Ну, то есть практика была... у меня неплохо получалось. Да и... всяко лучше будет, чем это, прости Господи... слушай, а может, указ какой издашь? Такой вот...

— Премудрый? — Император протянул пирожок Ивану.

— Ага...

— С премудрыми сложно. Да и в целом... теоретически я-то могу чего указать. И даже исполнят. Но весь вопрос в том, как исполнят. Как бы оно хуже не вышло. Еще решат, что если запрещаю, то, значит, ущемляю.

— И все ринутся отстаивать свободу самовыражения, — произнес Иван, забрав сразу два пирожка. Чтоб лишний раз не тянулся.

— Вот-вот... у нас же как... если что-то запрещают, то это что-то сразу всем становится нужно. Так что пускай лучше так творят... думаешь, вырастет чего?

— Думаю, что всенепременно... вопрос — чего. — Ивану попался пирожок с творогом, что было тоже неплохо. — Но завтра увидим... вот с утра встанем и пойдем смотреть...

— Слушай. — Бер даже приподнялся. — Если семена голубые, то и эта... штука... тоже будет голубой?

— Не факт...

— Хорошо бы...

— Почему?

— Красиво... представь, приходим мы, а там во всю ширь и даль голубое поле...

...Поле и вправду было голубым.

Ярким-ярким. Местами голубизна его казалась светлою, почти до прозрачности, местами — темной, в знакомый уже Ивану ультрамарин. Насыщенность окраса,

как он понял, зависела от стадии роста. По самому краю растения были маленькими, с ладошку, и цвет имели бледный. А вот чем ближе к центру, тем выше поднимались травянистые стебли, раскидывая весьма характерные пальчатые листья.

— Вань... а Вань... — очень тихо произнес Бер. — Вань, скажи, что мне это мерещится?

— И мне, — добавил император. — Что я просто сплю, а не это вот все...

Он махнул рукой по-над полем. И поднятый движением ветерок прошелся по вершинам, заставив тонкие пока стебелечки задрожать, склониться перед государем.

Следовало признать, что ритуал удался на славу.

Взошли если не все семена, то большая их часть точно. И главное, ровненько так, едва ли не под линеечку.

— Вань... это выходит, что мы... вырастили... целое поле конопли? — Бер шепотом озвучил общую мысль.

Иван заторможенно кивнул.

Посмотрел и еще раз кивнул.

— Вот госнаркоконтроль-то порадуется... — протянул император.

— За нас? — с надеждой поинтересовался Иван.

— За себя. Это не случайные посадки, где только штраф и грозит. Это явное незаконное культивирование наркосодержащих растений в особо крупных размерах... тут точно больше трехсот кустов. А еще и совершенное группой лиц по предварительномуговору. До восьми лет.

— Чего?

— Каторги, Вань... каторги.

— Да ладно вам страдать. Взгляните на этот вопрос иначе.

— Как?

— Ну хотя бы в разрезе государственного величия. У всех там наркобароны, а у нас целый наркоимператор! — возвестил Бер. — В авторитете будешь... заодно посмотришь, как там люди живут... Ладно, извини... это у меня от нервов. Слушай, Вань, а почему она синяя?

— Потому что эльфийская, — произнес государь-император, закрывая лицо руками. — Твою же ж...

И Иван всецело с ним согласился.

Твою же ж...

А главное, конопля продолжала расти... и весьма себе бодро.

Глава 2,

*в которой кое-что проясняется,
а кое-что запутывается*

Никогда не жалуйся на судьбу. Ей с тобой, может, тоже не особо и повезло.

Житейская мудрость

К ферме Леший подходил еще днем, так, исключительно в целях предварительной разведки местности. И уже тогда отметил некоторые показавшиеся донельзя странными детали.

Забор вот высотой в два человеческих роста.

Вышки вдоль него вида прехарактерного. И витки колючей проволоки, что лежали поверх забора ровненько так, идеально.

Ворота в стене имелись, как и пропускной пункт. Подходившие молоковозы останавливались, подвергались досмотру и пропускались далее. Выезжающие машины тоже досматривались, причем весьма тщательно.

В общем, как-то оно мало походило на ферму в представлении Лешего.

Тогда, днем, он не рискнул выбираться из леса, потому как тот обрывался весьма резко и укрепленную эту ферму со всех сторон окружали поля.

А ночью — дело иное.

И дождь опять же. Пусть, конечно, и не сказать, чтобы приятно, когда сверху льет, зато случай донельзя удобный. Грех не воспользоваться.

Пусть и команды не было, но...

Он, прислушавшись к окружающей тишине, нарушающей шелестом и шорохом дождя, осторожно двинулся

вперед. На вышках врубили фонари. И пятна света скользили по земле, но медленно, нехотя. Да и сам этот свет, размытый ливнем, был скорее данью заведенным порядкам, нежели и вправду имел какой-то смысл.

Леший без труда добрался до ограды. Оценил ворота. Окна КПП светились. Шлагбаум был опущен, но сами ворота — открыты. Небось, заедает механизм. А выходить на дождь охране неохота.

Леший их чисто по-человечески понимал.

Набросив легкий полог незаметности — дождь вымывал силу на раз, — он с легкостью проскользнул внутрь. Огляделся… где-то рядом нерешительно тявкнул пес. И тут же смолк.

И что дальше?

Точнее, куда?

Фермы высились длинными белесыми строениями. Пахло… как на фермах и пахло — коровами да навозом. Что-то гудело, урчало и хлопало.

Из ближайшего здания выполз трактор с прицепом, чтобы скрыться в следующем. Леший, подобравшись поближе, осторожно заглянул внутрь. Сумрачно. Лампы светят, но как-то едва-едва. Хотя разглядеть что-то можно.

Ряды. Междурядья.

Коровы.

Люди. Людей немного. Доярки? Похоже на то.

Леший двинулся к следующему… странно все-таки. Коровы и доярки. И стена эта. Вышки. Зачем они? И ведь работают, что вышки, что охрана. А значит, идет обслуживание. Электричество тратится. Да и люди на вышках не за идею стоят. Стало быть, кто-то на всю эту охрану деньги выкидывает, и немалые. В следующем здании было то же самое: много коров и немного людей. Там пахло хлебом и свежим сеном. Слышались голоса, которые то ли спорили, то ли переговаривались о чем-то.

А ферма не сказать чтобы сильно большая.

Нет, не маленькая, но и не комплекс из тех, высоко-технологичных, которые труда человеческого требуют минимум. На комплексах Лешему случалось бывать, сопровождая объект. И то, что здесь никакими высокими технологиями не пахло, он понял.

Дальше...

— Ну и чего ты кобенишься, а? — Этот голос раздался почти рядом, и Леший прижался к стене.

— Отстань.

А вот второй он узнал. И нож сам лег в руку.

— Ни рожи, ни кожи, а все одно глянулась ты мне... и чего, спрашивается, морду воротишь?

Говоривший был рядом.

Здоровый.

Он не был выше Весняны, но все одно как-то нависал над ней. И стоял неудобно. Нет, снять его Леший снимет, но что потом с телом делать?

Оставлять?

Не вариант. А незаметно... через стену...

— Тебя не учили, что бабе надо ласковою быть... ласковая баба, она свое с любого мужика поимеет.

Главное, чтоб эта малохольная не испугалась. А то крик еще поднимет...

Леший подобрался.

— Твердин! — рев откуда-то со стороны заставил мужика обернуться. И Леший выдохнул. Не то чтобы совесть мучила... совесть у него давно подобной ерундой не мается. Но вот реально с трупаком пришлось бы морочиться. — Чтоб тебя, где ты там...

— Сейчас! — заорал мужик в ответ. — Иду... а ты... ты подумай. Я ж пока по-хорошему... я ж не последний человек, чай... и словечко за тебя сказать могу. А то и вовсе попрошу себе, и будешь жить, горя не знаючи...

И ушел.

Вовремя.

А то возня возней, но Леший почти уже решил, что не так оно и муторно. Что иные люди в покойном виде ему куда как более симпатичны.

Весняну он окликать не стал. Но та сама повернулась и спросила тихо-тихо:

— И зачем пришел?

— За тобой. — Леший даже не удивился, что увидела.

Нож вот убрал.

— Не тронь здесь никого. Только хуже будет, — сказала она, накидывая на плечи капюшон. Дождевик был

старенький, непрятливый, как вся-то ее одежда. — Иди... за воротами жди. Сейчас все пойдут. И я с ними.

Спорить Леший не стал.

За ворота выбрался. Видать, и вправду время было народ отпускать, если даже шлагбаум подняли. А охрана из КПП не выглянула.

Дождь же.

И гремит вон, перекатывается в облаках.

Леший отошел к опушке, откуда и наблюдал за тем, как выходят из ворот люди. Сейчас они казались на диво одинаковыми. Размытые темные фигуры, что смещивались в одно черное пятно. Оно же и втянулось внутрь старенького автобусика, который выбрался за ворота последним.

Впрочем, уехали не все.

Весняна, шагнув навстречу, скинула капюшон и руки выставила, собирая дождь в ладони. Им же и умылась и вдохнула глубоко-глубоко.

— Зачем пришел? — спросила она.

— Проводить.

— Сама дорогу найду.

— Мало ли. Ночь... лес...

Сказал и понял, что глупо звучит. Этот лес ей родной, в нем скорее сам Леший заблудится. Но смеяться она не стала. Кивнула только:

— Спасибо.

— Да... не за что. Данька не приходила.

— Значит, не смогла. — Весняна, кажется, нисколько не встревожилась.

— А корова?

— Сейчас подою. Будешь молоко?

— Я-то буду, но, может, вам оно нужнее?

— Мы столько не выпьем. — Весняна стянула дождевик.

— Не простудишься? — Леший нахмурился. Летние дожди коварны. Только кажутся ласковыми. А одежда намокнет, прилипнет к телу, потянет из него живое тепло.

Этой вон много не надо.

— Нет. Мне от воды беды не будет. Разве что когда дождь, то кличет сильнее... зато и взять могу силы. — Весняна подняла руки, и стало видно, что вода, стекая по коже, эту кожу будто прозрачным маревом окутывает. — Сегодня еще дождь особый... кто-то силу выплеснул.

— Не чувствую.

— Просто сила иная... не твоя.

— Может, и так, — согласился Леший. Тогда понятно, почему со связью перебои. То есть не особо понятно, его уверяли, что связь любой энергетический всплеск выдержит, но тут пусть умники разбираются.

— Идем? — Весняна забросила дождевик на плечо.

И сапоги сняла.

— Давай сюда, — проворчал Леший. — Бестолковая...

— Почему?

— Потому... как вы вообще тут оказались?

— Обыкновенно. Нам-то с сестрами срок невелик дан по земле ходить. Родники... когда слышать начинаешь, с каждым годом сильнее зовут. Манят. Звенят. Обещают... — Она замолчала.

— Что обещают?

— Покой. Ни забот. Ни тревог. Ни обид. Ни радости. Ни печали. Ни любви, ни... ничего.

Прозвучало жутко.

— И чтоб удержаться, надо корни в землю пустить... но сами мы не можем. Не дано... говорят, что у таких, как я, души нет.

— Кто говорит?

Весняна не ответила, только плечами пожала.

— Мы за мужа цепляемся, за семью. Муж душой делится. Мы — силой. Такой вот обмен. Всем хорошо.

Она шла босая, ничуть не стесняясь этой босоты. И не боясь ступать по мхам. А ведь коварные, там, под зеленью, и сучки острые, и коренья скрытые. Да только Весняна ступала легко, танцуя.

— Вот и посватался ко мне один... не подумай, никто нас не неволит. И тетка тоже говорит, чтобы мы выбирали с оглядкой, чтобы не на теперь думали, а вперед. Стро-

гая она... а уже тогда проблемы начались. И людей в Подкозельске крепко убавилось. Я поняла, что... в общем, выбор и невелик был. Да и те, кто был, больше на сестер глядели. Они старше, сильнее... красивей опять же. А тут и ко мне посватались. И сразу серьезно так. Мне это очень польстило. Ты не думай, Егор хороший был. Добрый. И с душою светлой... слабой вот только. Но я понадеялась, что хватит ее. Если с моей силой, то точно хватит.

Лес расступился.

На поляне тоже шел дождь. Вода стекала по серебристой шерсти коровы, но та, кажется, не слишком печалилась. Во всяком случае, голову подняла, повернулась в сторону Весняны и мыкнула, как почудилось, с упреком.

— Сейчас, хорошая моя... — Весняна нырнула в какие-то кусты, чтобы вынырнуть уже с ведром, табуреткой и бутылкой воды. Водой она ополоснула ведро, потом, смочивши какую-то тряпку, тщательно отерла вымам коровы. — Мне бы вспомнить, что и сил у меня не так много. Но... кому не хочется любить? И быть любимой. А Егор любил меня. По-настоящему... Увез. И несколько лет мы жили... хорошо жили...

Леший отошел в стороночку, чтобы корову не нервировать. А она, склонивши увенчанную рогами голову, наблюдала. Да что там, явно следила, и в глазах коровьих читалось недоверие.

— Данька родилась. Он радовался очень... матушка его, правда, была не слишком довольна.

— Это та, что за Данькой присматривает?

— Она.

— А тут как оказались?

— Егор... он все хотел сделать больше для нас. И матушка его... она почему-то считала, что у него большие способности. Что их надо использовать и все такое, а он при моей юбке и шагу ступить боится. Он не боялся, просто... не его это было. И чуял, что не его. Но тут друг появился. Предложил дело. Выгодное... я о многом узнала уже потом, после. Данька тогда только-только родилась, силы все забирала...

Струйки молока зазвенели, разбиваясь о подойник.

— Егор стал исчезать. Возвращался нервный, то веселый, то злой... дело их вроде бы пошло. И он радовался. Маму на моря отправил. Шубу купил. И мне вот тоже... украшения стал дарить. Дом затеял ставить взамен старого.

Леший, кажется, понял, что дальше будет.

— Я... мне это все не нравилось. Но я даже не понимала чем. Я пыталась спрашивать, а он отмахивался. Мол, не в свое дело лезу. Он мужчина и разберется... а потом в один день его задержали. Оказалось, что их фирма занималась не совсем законными делами. Началось расследование. И чтобы не посадили, пришлось платить... много... он продал, что было. И землю тоже. И дом. Чудом не сел, но...

— Оказался нищим.

— Да. Я сказала, что можем вернуться. В Подкозельске всегда нужны люди, которые будут работать...

Егору захотелось набить морду.

Пусть покойник, но все равно. Поднять из могилы и набить морду.

— Тем более что я при муже, не буду у других силу брать или теснить. Даньке, конечно, тяжко пришлось бы, но, глядишь, чего бы и придумали.

— Отказался?

— Сперва согласился. А потом пришел и сказал, что ему предложили место получше. Что и дом дадут, и помогут на первое время.

Лешему была видна спина Весняны.

И светлая коса ее, которая казалась почти белой.

— Обещали карьеру сделать... мол, знающий человек сможет с легкостью занять подобающее место. А там можно и с землей вопрос решить. Мы и приехали сюда. Мне... не понравилось. Но...

Уйти, как Леший понял, она не могла.

— Слово, — словно почувствав его сомнения, ответила Весняна. — Было сказано. И я сама с ним связала жизнь. Так что без него жизни бы и не было бы. Тем паче я сама виновата... видела же, что слабая душа.